

РОДОМ ИЗ СССР

Воспоминания о Б. В. ПОПОВЕ

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ СОВЕТСКОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

В людьми и Богом проклятые девяностые годы XX века (самое нейтральное, “форматное” даже для антивирусного ТВ название их — “лихие”) одним из ключевых бранных слов по адресу сторонников советской власти было почти жаргонное, презрительное — “совок”. Подразумевалось, конечно же, не детское орудие для игры в песочнице, но, в общем-то, нечто столь же несерьёзное, ненужное, не заслуживающее внимания. “Совок” послушен начальству, терпелив и туп, доверчив, как младенец. Выпьет, похмелится, сделает всё сикось-накось, зато поверит любому самому утопическому лозунгу и подчинится любому начальствующему Скалозубу с партбилетом в кармане — вместо того, чтобы жить “как цивилизованные люди”, повинуясь “эффективным собственникам” и гордясь “правами человека”. “Совок”, короче говоря, негодный человеческий материал, не способный вписаться в демократические каноны, не способный победить в гонке за успехом и богатством. “Лузер”, одним словом. Маргинал. Лох, коего обмануть, облапошить — одно удовольствие.

Так либеральная пропаганда всей совокупной мощью СМИ утверждала не просто никчёмность “совка”, “простого советского человека”, но и непригодность, тупикивость советского пути для достижения Россией достойного места среди других народов и государств в постиндустриальном, технологичном XXI веке. Ну, а уж вожди бывшего СССР, особенно Сталин, вообще советская “элита”, “начальники”, если только они остались упёртыми коммуняками, предавались и предаются либеральной анафеме. Естественно, за вычетом тех, кто вовремя подсуетился, расстался с партбилетом, вошёл в сговор и в долю с разрушителями державы — или уже давно, до времени тайно, подтачивал её устои, ратуя за гласность и плюрализм, за верховенство рыночных отношений и механизмов в жизни советского общества.

Но кто же и каким чудом в считанные годы вывел большую Россию-СССР в разряд второй мировой супердержавы? Неужели эти тупые, народом не избранные партийные бонзы? Неужели эта серая моль из Госплана, способная лишь распределять всё и вся, вплоть до гвоздя и шпингалета, как-то умудрялась не только воплощать партийные “химеры” в реалии новых городов, огромных комбинатов, гигантских электростанций, но ещё и неукосно, хотя не так быстро, как всем хотелось, повышать уровень благосостояния людей громадной страны? Правда, с джинсами для всех слишком долго не получалось; да и производство жвачки безнадёжно отставало — что и говорить, не гибкая была экономика...

Редакцию не случайно привлекла вышедшая совсем недавно в Архангельске книга воспоминаний о бывшем первом секретаре Архангельского обкома КПСС Борисе Вениаминовиче Попове, посвящённая 100-летию со дня его рождения. Через четверть века после краха и страны, и партии, через пятнадцать лет после ухода из жизни Б. В. Попова большая группа (почти 70 человек) уважаемых, достойных архангелогородцев собралась под одной книжной “крышей”, чтобы воздать должное, помянуть добром реальные дела и замечательные душевные качества человека, который почти 17 лет (1967—1983 гг.) руководил областью — одной из самых крупных и самых сложных в советской России. Безыскусные, без каких-либо претензий на “литературность”, воспоминания эти, проникнутые несомненной, искренней симпатией и глубоким уважением к бывшему лидеру области, напрочь опровергают злонамеренные мифы либералов о тупых и самовластных партийных “начальниках”, назначаемых сверху и послушно проводящих “линию партии” на местах, руководствуясь прежде всего карьерными соображениями.

Мы решили опубликовать целиком лишь шесть из семидесяти содержащихся в трёхсотстраничной книге материалов — как нам кажется, наиболее характерных, наиболее глубоких и убедительных, принадлежащих перу людей разных профессий. Какой человек, какая глыба предстаёт перед читателем!

Первое слово по справедливости предоставляется Юрию Александровичу Гуськову, верному другу “Нашего современника”, главному редактору и практическому организатору, вместе с Е. Т. Гурьевым, авторского коллектива рассматриваемого сборника. Однажды Станислав Куняев в шутку назвал Ю. А. Гуськова “почётным читателем журнала”. Но, кроме шуток: Юрий Александрович регулярно читает “НС” (и болеет, переживает за него!) ровно столько, сколько существует журнал — с 1956 года! Так что Почётный Читатель — это звание как раз для него и тех немногих, кто верен своему любимому изданию от начала до конца.

ЮРИЙ ГУСЬКОВ, бывший первый секретарь Архангельского обкома КПСС, депутат Госдумы РФ второго созыва, ныне пенсионер

“А ПОЧЕМУ ТАК ДЫМНО В ЦЕХЕ?”

Сейчас, когда пришло время “...итожить то, что прожил”, спрашиваю себя, кто были мои учителя по жизни? Наставники? И без всяких сомнений отвечаю: это были неординарные личности, одарённые умом и талантом, высокоответственные за порученное дело люди, обладающие даром организовывать и вести за собой других.

Раз за разом я с благодарностью вспоминаю своего первого бригадира Андрея Николаевича Лапочкина, слесаря-монтажника высшей квалификации, Героя Социалистического Труда, старшего мастера Олега Ивановича Жукова и начальника специализированного участка Николая Александровича Красникова, с которыми мы начинали осваивать атомную энергетику подводных стратегических ракетноносцев в конце 1950—1960-х гг. прошлого столетия.

Я могу смело утверждать, что у истоков моего становления как специалиста стоял Евгений Павлович Егоров, выдающийся организатор отечественного кораблестроения, директор Северного машиностроительного предприятия, определивший не одну судьбу и давший путёвку в жизнь не одному такому парню, как я.

И Дмитрий Фёдорович Фёдоров — в те годы первый секретарь Северодвинского горкома КПСС, по рекомендации которого я был избран секретарём первичной партийной организации моего родного цеха 50 на Северном машиностроительном предприятии.

И, конечно же, Борис Вениаминович Попов, который в марте 1967 г. стал первым секретарём Архангельского обкома КПСС. Всем им светлая память и вечный покой.

Избрание Б. В. Попова было само по себе событие, прямо скажем, для области не рядовое. Порадовало, что новый руководитель не замедлил с посещением нашего предприятия, флагмана кораблестроения в стране. Где-то уже в апреле он посетил завод, осмотрел основные цехи, беседовал с людьми.

Побывал он и в нашем стапельном цехе, где я был избран в то время секретарём парткома самой крупной на заводе цеховой партийной организации. Работал цех в установленном порядке в трёхсменном режиме. Все стапельные места были заняты кораблями, как тогда говорили, заказами различных проектов в разной степени готовности.

Нам было тогда что показать! Мы имели все основания гордиться своей сопричастностью великим делам эпохи. Под крышей цеха трудилось в те годы несколько тысяч человек: рабочих основных специальностей стапеля и цехов-смежников, контрагентов. Стапель жил своей, ни на что не похожей жизнью, когда всё подчинялось интересам строящегося корабля. И только им. Нужно ли говорить, что были мы тогда молоды, самонадеянны. В любое время года и суток на завод летели как на крыльях. В цехе жизнь была ключом, но и дым стоял коромыслом.

Тогда же состоялось наше знакомство с Б. В. Поповым. Обратило на себя внимание его первое рукопожатие, дружески крепкое и бережное в то же время. “Ничего себе, — думаю. — Вот это ладонь! Почти как две мои!”

Но поразило и другое. Его умение слушать и выделять суть — главное. Он почти сразу же спросил: “А почему так дымно в цехе?” С готовностью, чуть снисходительно объясняем: “Сварки много. Она теперь почти повсеместно заменила клёпку в судостроении. Вентиляция не справляется”.

“И тем не менее, — говорит Борис Вениаминович, — атмосфера в цехе — это здоровье людей. В таких условиях много не наработаешь. Работа о людях — главная из задач”. Как говорится, в самую точку. Попутный, но урок мне и другим на всю оставшуюся жизнь. Принципиально и справедливо. Далее мы, конечно же, подробным образом пояснили, что вентиляционные системы проходят модернизацию под новые требования и условия санитарной гигиены.

Само собой разумеется, что руководством цеха и предприятия было сделано всё возможное, чтобы ускорить работы по коренной реконструкции всей вентиляции цеха, включая и вентиляционное обеспечение строящихся кораблей. Потом были и другие встречи, но не было ни одной, когда бы он не спросил, а как там вентиляция в эллинге? Конечно же, и не только об этом.

Добавлю, к слову. Когда Б. В. Попов посетил завод в последний раз, для такого рода замечаний уже не было оснований. На его территории трудно было найти даже случайный окурочек — так выросли культура труда, технологическая дисциплина, уровень организации производства.

Борис Вениаминович любил корабелов, гордился, что здесь, на Поморской земле, по выражению Петра Великого, “флот Российский начал быть”, не единожды бывал в городе, на верфях Севмаша и “Звёздочки”, поддерживал все инициативы и предложения северодвинских руководителей по социально-экономическому развитию города и его предприятий.

Обо всём об этом говорю уверенно, был тому свидетелем на протяжении целого ряда лет и участником почти всех сколько-нибудь значимых событий в области. Что касается меня лично, то на момент встречи с Борисом Вениаминовичем я уже года три отработал на хлопотливой, “почётной”, очень важной низкой партийной работе, где всё главное. Должен признаться, всерьёз подумывал, как бы возвратиться “на круги своя”, на дорогой мне шестой спецучасток, поближе, как я говорил, к “фабрично-заводской трубе”, к прямому производству, которое я знал, любил и куда, не сомневался, вернуться.

Но не тут-то было. Уже в конце 1967 г. меня избрали заместителем секретаря парткома Севмашпредприятия — и... пошло, покатило, поехало.

Вспоминается и такое. В 1973 г., будучи вторым секретарём Северодвинского горкома и отвечая за организационно-партийную работу, мне довелось принимать в городе Б. В. Попова, который специально приехал посмотреть, как городская партийная организация готовится к обмену партийных документов. Надо вспомнить, что это была не чисто техническая кампания, хотя сложностей и нюансов здесь было предостаточно. Главное заключалось в том, чтобы поднять общий уровень организационно-партийной работы как таковой, повысить эффективность всей массово-политической и агитационно-пропагандистской работы среди населения.

Состоялось обстоятельное знакомство с положением дел. Будучи сам очень организованным, системным человеком, Борис Вениаминович вникал в детали. Его вопросы были неожиданны и интересны, советы конкретными и выполнимыми, замечания абсолютно по делу и не обидны. Мы, как нам виделось, сумели показать и рассказать, что сделали, но и воочию убедились, что главное – то ещё впереди.

И тем приятнее отметить, что в ходе обмена партийных документов городская парторганизация качественно выросла, организационно окрепла, повысилась её авторитет среди горожан.

Многие, вспоминая совместную с ним работу, обращают внимание на его жёсткость. Да, где-то было и такое. Он мог простить ошибку, но и взыскать сполна за нерадивость, бездеятельность, благодушие или того хуже – равнодушие. Он умел понять и войти в положение “нашего брата”, своих сподвижников и соратников (кстати, любил это слово). Умел убеждать, но никогда не навязывал свою точку зрения в качестве истины в последней инстанции.

И когда, бывало иногда, спросишь, как поступить, нередко слышишь: давай подумаем вместе.

И такое, к примеру, было. Уже после обмена партийных документов пригласил меня Борис Вениаминович к себе и после продолжительной беседы предложил занять свободную на то время должность заведующего отделом организационно-партийной работы обкома КПСС. Это было неожиданное и очень лестное предложение, но я его не принял и, как умел, обосновал и аргументировал свой отказ. Мои возражения были поняты и приняты.

Думаю, что не я один, а многие мои коллеги из числа секретарей горкомов и райкомов партии, других категорий партийного актива, хозяйственных руководителей ощутили на себе огромное обаяние, отеческую заботу (он был среди нас старшим и по возрасту) этого человека, его высокую взыскательность, но и абсолютное доверие. Мы знали, что Борис Вениаминович не может принять решение по навету, по подметному письму, по анонимному доносу. С ним можно было уверенно смотреть в будущее.

Так уж случилось, но в конце 1976 г. в г. Москве во время пожара в гостинице “Россия” погиб наш товарищ, замечательный учёный и человек Л. В. Савин, работавший секретарём обкома партии. В сферу его забот входил лесопромышленный комплекс области, которым он занимался профессионально и компетентно. Это была большая потеря, и по сию пору мы помним об этом и скорбим. Здесь будет уместным подчеркнуть, что в Архангельской области один из секретарей обкома всегда занимался исключительно лесопромышленным комплексом во всех его составляющих ипостасях. И это было оправданным делом. Отрасль занимала ключевые позиции в экономике в ту пору, хотя и требовала в основе своей реконструкции и скорейшего технического перевооружения.

Нельзя было не видеть и другое. Истекшее десятилетие явственно высветило вторую важнейшую тенденцию в социально-экономическом развитии региона: в области не по дням, а по часам набирал обороты и увеличивал темпы роста военно-промышленный комплекс.

Существенно упрочилась социальная и материально-техническая база судостроения и судоремонта в Северодвинске. Была завершена реконструкция домостроительного комбината, построены новый уникальный эллинг и корпусный цех, первая очередь ТЭЦ № 2. Близился ввод в эксплуатацию приборного завода “Полярная звезда”. В ближайшей перспективе просматривалось строительство приборных заводов в Архангельске и Новодвинске, где заказчиками выступали Министерство радиопромышленности СССР и Министерство судостроительной промышленности СССР. Ускоренными темпами строился электромеханический завод в г. Котласе (Минавиапром СССР). Была достигнута принципиальная договорённость с Минэлектротехпромом СССР о создании мощностей по производству электронных плат в г. Мирном (завод “Новатор”), чем принципиально решалась проблема занятости вторых членов семей военнослужащих на космодроме “Плесецк”.

Своим чередом двигались к разрешению проблемы строительства атомно-металлургического комплекса на базе богатейшего месторождения северо-онежских бокситов, а также строительства атомной станции теплоснабжения в Архангельске. Настоятельно требовали своего незамедлительного разрешения

и назревшие вопросы военного строительства. Нужен был небольшой, но профессиональный оборонный отдел в обкоме со всеми вытекающими отсюда последствиями. Жизнь требовала полнее использовать кадровый потенциал оборонщиков в области. Вот почему, как мне представляется, Борис Вениаминович при подборе остановил свой выбор на северодвинцах.

Что же касается меня, то в непродолжительной беседе у Бориса Вениаминовича мне было сказано буквально следующее: “Круг твоих обязанностей будет ВПК, ЛПК, строительство в этих отраслях, а далее – посмотрим. Лес будешь осваивать в процессе работы”. Таким образом, он меня “благословил”, пленум обкома избрал секретарём, и по ноябрь 1983 г. мне пришлось пройти свои “университеты” под непосредственным руководством, не погрешу ничуть против истины, когда скажу – этого выдающегося человека.

Мы жили в одном доме и даже в одном подъезде, довольно часто вместе и всегда пешком возвращались с работы, а в последние годы, несмотря на разницу в возрасте, сблизились и семьями. Его супруга – Мария Семёновна была, на наш взгляд, образцом интеллигентности, доброжелательности, женственности, была по-русски хлебосольной и гостеприимной хозяйкой.

Время тогда летело быстро. Работали с огромным интересом, как говорят, “не за страх, а за совесть”. Пришло и такое событие, когда ЦК КПСС обобщил опыт Котласского и Соликамского (Пермская область) целлюлозно-бумажных комбинатов по снижению массовости выпускаемой бумажной продукции, что давало в целом по стране огромный народно-хозяйственный эффект. По этому поводу был проведён специальный семинар в Архангельске. А затем один из секретарей ЦК в своём докладе на семинаре в Ростове-на-Дону поставил в пример опыт ресурсосбережения Архангельской области на базе технического перевооружения всего её лесопромышленного комплекса. Чуть позднее и Б. В. Попов выступил на совещании уже в ЦК КПСС с речью поистине программного характера на эту же тему – всё это стало своего рода общественным признанием достижений ЛПК нашего региона.

И здесь было бы уместным вспомнить и о широко известной в то время сийской технологии по заготовке леса, и об обрубке сучьев с вершины, и о щадящих подрост методах трелёвки леса, и о многом другом, чем мы тогда жили, чем не без оснований гордились, чему служили безоглядно и бескорыстно.

Я вспоминаю 70-летний юбилей Б. В. Попова. Он уже более десяти лет руководил нашей непростой “губернией”. Всё было достойно – и более чем скромно. Указом Президиума Верховного Совета СССР Борис Вениаминович был награждён вторым орденом Ленина. Состоялось, как было принято в то время, торжественное собрание работников аппарата обкома партии, и, пожалуй, на этом официальная часть и закончилась. Вечером был небольшой званый ужин, на который он пригласил своих ближайших сподвижников с женами (и мужьями) и неожиданно для всех, и для меня тоже, попросил меня вести это завершающее юбилей мероприятие. Волновался, но... обошлось.

Много было сказано доброго и хорошего о юбиляре, его личных качествах, семье, о его вкладе в развитие области, её экономики и культуры, социальной сферы, науки и образования, здравоохранения. Помню и не скрою, что многие, как мне виделось, вполне искренне просили юбиляра не спешить расставаться с областью. Нам казалось, более того – мы были уверены, что он далеко не исчерпал свой потенциал и ещё может потрудиться на благо населения и развития производительных сил нашего Европейского Севера. Многие из нас считали в то время, да и сейчас, что наверху не в полной мере оценили сделанное им.

Потом было наше десятилетнее общение, когда Борис Вениаминович вышел на пенсию и жил в Москве. Мы и проводили в последний путь этого настоящего коммуниста ленинской школы и сталинской выучки, которому, как сказал поэт, и “...рубля не накопили строчки”.

Он похоронен в Москве на мемориальном Троекуровском кладбище. Хочется верить, что “к нему не зарастёт народная тропа”. Борис Вениаминович Попов и его добрые деяния останутся в благодарной памяти северян.

НЕ ОЦЕНЁН В СООТВЕТСТВИИ С ЗАСЛУГАМИ ПЕРЕД СОВРЕМЕННОКАМИ И ПОТОМКАМИ

Есть люди, знакомство с которыми оставляет незабываемый след навсегда, несмотря на то, что встречи были не частыми, а знакомство и общение не очень продолжительными. Говоря о Борисе Вениаминовиче Попове, так и хочется сказать: “Глыба!” Твёрдое тёплое рукопожатие большой интеллигентной руки; широкий спокойный жест, предлагающий сесть в предупредительно отодвинутый стул; внимательный взгляд чуть прищуренных серых глаз и атмосфера уверенности, что здесь тебя выслушают и поймут, помогут найти решение мучающих тебя вопросов и проблем.

Борис Вениаминович, несомненно, наряду с другими ценными качествами характера, обладал даром общения с людьми, тем, что психологи называют свойством эмпатии – умением вызвать интерес и симпатию. Он давал и собеседнику возможность проявиться, раскрыть свои наилучшие стороны, почувствовать свою значимость. Чувство внутреннего достоинства и самоуважения, столь присущее Б. В. Попову, распространялось и на людей, общающихся с ним. И в то же время его деловитость, спокойная сосредоточенность не имели ничего общего с деланной важностью или бюрократической сухостью общения. Такое же отношение к делу требовалось и от окружающих.

Было очевидно, что в делах серьёзных он не допускал насмешливого и даже шутивого тона, по-моему, ему претили всякое ёрничество, неуместная ирония или нарочитая игривость при обсуждении деловых тем.

Эрудиция, чувство такта, интеллигентность – эти качества или есть у человека, или их просто нет. Я бы сказала, что эти черты у Бориса Вениаминовича были выражены во всей своей совокупности, проявлялись постоянно и естественно. Его широкие познания включали в себя и современные проблемы биологии, медицины, демографии, и я до сих пор с удовольствием вспоминаю наши немногие, но очень интересные с ним встречи.

Мне приходилось общаться с Б. В. Поповым и как проректору по научной работе Архангельского государственного медицинского института, и как председателю областного отделения общества “Знание” – весьма уважаемой и многочисленной в советское время организации. От этих встреч по обращениям с различного рода трудно решаемыми проблемами всегда оставалось чувство ясности и определённости. Если ты обращался с хорошо обоснованной и убедительно изложенной просьбой, то и ответ бывал положительным. Но и в случае невозможности положительного решения не возникало чувство досады – отказ всегда был чётким, ясным, определённым и окончательным. И до сих пор с удовольствием и бесконечной ностальгией вспоминаю те времена, хотя было много хлопот, поездок, переживаний и стрессов (тогда это слово не было столь популярным, как теперь). Была нормальная активная общественная жизнь, была радость широкого общения с множеством очень разных людей, и, слава Богу, до сих пор ещё живы эти многолетние дружеские связи. Я думаю, да и кто у нас среди людей старшего поколения не знает, что гигантский вклад Бориса Вениаминовича Попова в интенсивное развитие области во всех отраслях деятельности был оценён не вполне адекватно его заслугам перед Отечеством и потомками.

ЛИДИЯ БОСТРЕМ, директор природно-ландшафтного музея “Малые Корелы”, кандидат искусствоведения

ТАКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ ОБЛАСТЬ НЕ ЗНАЛА

Период середины 1960–1980 гг. прошлого столетия для культуры нашей области был годами высочайшего подъёма во всех её проявлениях. Руководителем области в этот период, первым секретарём обкома КПСС был Борис

Вениаминович Попов. Человек высочайшей культуры, образованности, интеллигентности и порядочности, он понимал значимость культуры и степень её ответственности перед народом и грядущими поколениями.

В стране в то время шла волна борьбы за сохранение памятников истории и культуры. По всему Союзу развернулись работы по их реставрации. Памятники деревянного зодчества, если их невозможно было сохранить на местах, перевозились в музеи под открытым небом.

В России формирование таких музеев началось более чем в 30 областях. В конечном итоге их было построено около десятка. Архангельский музей деревянного зодчества из них стал самым крупным. Он отличается от всех других музеев по структуре экспозиции, обширности территории, количеству памятников. Аналогом для него послужил единственный существовавший на тот период времени в стране архитектурно-этнографический, 1924 года постройки, музей “Бривдабас” в Прибалтике. Б. В. Попов был не понаслышке знаком с этим музеем. Не случайно проектирование Архангельского музея было поручено московскому архитектору Б. В. Гнедовскому, который ранее проектировал подобный архитектурно-этнографический музей, Ленинский мемориальный комплекс в Шушенском (Красноярский край).

Всё это положительно сказалось на будущем Архангельского музея деревянного зодчества. Территория его была разбита на сектора по территориально-этнографическому принципу, что позволило наиболее грамотно, исторически верно показать быт, культуру, промыслы, ремёсла, социальное расслоение северорусского дореволюционного крестьянства. В музее нет двух одинаковых памятников деревянной архитектуры. В нём представлены все типы встречающихся на Русском Севере культурных, бытовых, инженерных сооружений. Каждый сектор – это модель поселения со своей планировкой, типами памятников, материальной культурой. Все остальные музеи России построены по образу архитектурных выставок. Это небольшие музеи, не превышающие по территории один сектор нашего, для сравнения взять хотя бы такой, как Каргопольско-Онежский сектор.

Надо отметить ещё одну очень важную деталь. Создание такого музея в Архангельске, в отличие от всех других областей, где они создавались, во много раз задача технически более сложная, и её осуществление в финансовом плане было более затратным делом.

Архангельская область имеет площадь около 587,4 тыс. кв. километров. Огромная территория с очень низкой заселённостью, разбросанностью и удалённостью одного населённого пункта от другого делает большую часть территории области труднодоступной, куда добраться можно только вертолётom или зимой по малопроезжим зимникам.

Поэтому при перевозке памятников были задействованы все виды транспорта – от гужевого до вертолётom. Порой приходилось перегружать памятник с одного вида транспорта на другой до четырёх раз. Всё это требовало много времени и огромных финансовых и физических затрат. Ни одна область России при создании таких музеев не испытывала подобных сложностей и нагрузок.

Вместе с перевозкой большой объём работ выполняли и другие организации: энергетики по переносу линий электропередач, специалисты городского ремонтно-строительного треста, дорожники, транспортники, связисты, работники торговли, художественный фонд и т. д. Вся работа проводилась при огромной помощи и под еженедельным контролем обкома КПСС. Секретарь обкома Ю. Н. Сапожников был постоянным участником всякого рода планёрок и целевых совещаний. Мы не знали слов “нельзя”, “нет”, “невозможно”. Это была необъявленная комсомольская стройка.

В сложных природно-климатических условиях Севера в очень сжатые сроки был создан музей. Он стал, повторюсь, самым крупным в России, хорошо посещаемым объектом с уникальной архитектурно-этнографической экспозицией. В 1985 г. музей решением правительства получил статус самостоятельного.

Если говорить в целом о культуре области, то в бытность Б. В. Попова все её составляющие испытывали на себе положительное влияние обкома и его первого секретаря. Только ленивый мог не воспользоваться его поддержкой и помощью. Музею помогли, к слову, возродить звоны, был получен даже лимит на цветной металл для колоколов. Напомню, в России многие годы не звонили церковные колокола. Молчали и знаменитые колокола ростовских звонниц. Позднее с нашего музея возрождение звонов пошло по всей стране. Сейчас колокольные звоны звучат повсеместно.

Попутно скажем, что с конца 1960-х гг. начинается активная реставрация памятников архитектуры на Соловках, в Каргополье, на Кий-острове, в Холмогорах, церковей в Лявле, Заостровье. На Соловках и в Каргополе создаются реставрационные участки. Начинается формирование Соловецкого музея.

В декабре 1974 г. выходит постановление правительства о взятии памятников архитектуры области под государственную охрану. Этим же постановлением Соловецкий музей стал самостоятельным учреждением культуры. Областные музеи изобразительных искусств и краеведческий получают новые помещения и комплектуют новые выставки и экспозиции. В новом помещении формируется экспозиция морского музея. Строятся новые здания библиотеки им. Н. Л. Добролюбова, концертный зал с органом в Кирхе, здание Дворца спорта с крытым катком, Дворец пионеров с обсерваторией, Дворец культуры строителей. А сколько появилось мансард-мастерских художников – всех и не упомнишь!

Мы, жители области, должны быть благодарны судьбе, которая наградила нас таким человеком, как Борис Вениаминович Попов. Это он своими делами оставил нам богатое наследство, и культурное в том числе. Уверена, что такого размаха строительства учреждений культуры наша область не знала в прошлом, да и вряд ли узнает когда-либо в обозримом будущем.

ГЕННАДИЙ ГРИШАНИН, генерал-майор КГБ в отставке

СЛАВНАЯ, СВЕТАЯ, ДОБРАЯ ЕМУ ПАМЯТЬ!

Борис Вениаминович Попов – это человек-труженик, коммунист с большой буквы. Всей своей трудной жизнью и многогранной деятельностью он по праву заслуживает доброй людской памяти.

Услышал я о нём и впервые увидел примерно полвека назад в Вильнюсе в разгар, так сказать, хрущёвской “оттепели” с её бесконечными экспериментами.

В Литве в это время шли непростые процессы. Там по мере укрепления советской власти социалистические идеи овладевали сознанием всё большей части населения. В результате политических, хозяйственных и оперативно-войсковых мер с вооружённым бандитизмом и подпольем практически покончили. Но ещё сильны были националистические, антирусские настроения, особенно среди интеллигенции, вузовской молодёжи, из среды которой потом и вышла вся основная масса “народофронтовцев”. У многих на Западе оказались родственники, бежавшие туда в 1940-е гг. прошлого столетия. Некоторые из них подвизались в антисоветских эмигрантских организациях, осуществлявших, в том числе по нелегальным каналам, подрывные акции против республики под эгидой иностранных спецслужб в русле американской политики так называемого “освобождения порабощённых народов” прибалтийских стран.

И это несмотря даже на то, что с помощью союзного правительства и братских республик в Литве поддерживался более высокий уровень жизни по сравнению с другими регионами СССР. Некогда раздробленная и в основном аграрная республика уверенно становилась научно и промышленно развитым равноправным субъектом Союза ССР с мощной энергетикой, торговым и рыболовецким флотом, расцветающей национальной культурой.

И, тем не менее, стремление к “большей самостоятельности”, чего не скрывали даже некоторые высокопоставленные представители местной национальной элиты, имевшей родственные связи за границей, не способствовало снижению националистических, сепаратистских настроений. В известной степени к этому вели и проводимая кампания по так называемой национализации кадров, своего рода расширение “номенклатуры неприкасаемых”.

Вот в такой обстановке, будучи вторым секретарём ЦК компартии Литвы, Борис Вениаминович Попов стремился, с учётом национальной специфики, и словом, и делом вести политику сохранения преданных делу опытных кадров, дальнейшего развития экономики, науки, социальной сферы и культуры. Он постоянно был в разъездах по республике, регулярно выступал в партийных организациях, партийной печати, широко общался с трудящимися и молодёжью,

с представителями правоохранительных органов, особенно чекистами. Мне пришлось дважды слышать его выступления перед сотрудниками КГБ на итоговом оперативном совещании и общем партийном собрании (я тогда был старшим оперуполномоченным одного из контрразведывательных подразделений).

Что особенно запомнилось и обратило на себя внимание. В отличие от других республиканских руководителей поразила высокая информированность и компетентность Бориса Вениаминовича по обсуждавшимся вопросам, прямо-таки профессиональная чёткость в постановке им задач, формулировке конкретных мер по обеспечению государственной безопасности в республике. Пришлось и несколько раз представляться ему, находясь в нарядах по обеспечению мероприятий с его участием.

К сожалению (добавим, к счастью для Архангельского региона. — **Ред.**), пребывание Бориса Вениаминовича в Литве оказалось не очень продолжительным, о чём многие и многие партийно-советские, хозяйственные работники и мы, чекисты, очень и очень сожалели.

Уже много лет спустя, поработав в Клайпеде, а затем в КГБ Молдавии, я получил предложение возглавить Архангельское управление КГБ. Прибыв на переговоры к одному из заместителей председателя КГБ СССР и войдя в его кабинет, я, к своему удовольствию, сразу же узнал находившегося там Бориса Вениаминовича Попова. Здороваясь, он сказал, что помнит меня по Литве и надеется на моё согласие. При этом с юмором добавил, что одеваться придётся теплее.

Конечно же, состоялся серьёзный разговор о предстоящей работе. Борис Вениаминович рассказал о Поморском Севере в своей спокойной манере, но вдохновенно, как о прародителе русских земель. При этом подчеркнул, что не случайно именно здесь появился такой феномен, как М. В. Ломоносов, который в сконцентрированном виде заглядывал на века вперёд, предвидя идеи и открытия, лёгшие в основу развития нашей цивилизации. Архангельская область, как сказал он, неисчислима и надолго неисчерпаема своими морскими и речными, водными, лесными и земными богатствами вплоть до алмазов, не говоря уже о закалённых суровой природой трудолюбивых и талантливых людях. Это, как он подытожил, один из форпостов государства Российского, к которому во все времена было приковано внимание наших заклятых “друзей”, алчущих его богатств и территорий. Подчеркнул важность мер по обеспечению государственной безопасности и теперь, особенно в военно-промышленной сфере.

Словом, моё назначение состоялось. Вскоре Борис Вениаминович представил меня членам бюро обкома и коллективу сотрудников Управления КГБ СССР области. Он постоянно приглашал меня в совместные поездки по области, и прежде всего на Северодвинский промышленный комплекс, месторождения алмазов, ракетные базы и полигоны, не говоря уже о Плесецком космодроме (г. Мирный), где мы бывали всякий раз во время ответственных пусков. При этом всегда внимательно изучалась обстановка, и при необходимости принимались нужные конкретные решения.

Я регулярно докладывал Борису Вениаминовичу и секретарю обкома по промышленности Юрию Александровичу Гуськову о проводимых управлением оперативно-режимных мерах на важных объектах промышленности, наших успехах и недостатках. Получал от них дельные советы, что помогало совершенствованию контрразведывательной работы. Кстати, Юрий Александрович был одним из наиболее активных единомышленников Б. В. Попова. Начинал он инженером на Северном машиностроительном предприятии, пришёл в обком через Северодвинский горком. Это очень эрудированный, дельный и порядочный человек, оставшийся верным коммунистическим идеалам, как и все мы, бывшие соратники Бориса Вениаминовича. При поддержке Б. В. Попова и под руководством товарищей из Москвы с участием военных контрразведчиков путём проведения целой серии хорошо подготовленных агентурно-оперативных и режимных мероприятий мы сумели сорвать планы проникновения спецслужб США, Англии и ФРГ к секретам Северного машиностроительного предприятия, на котором неожиданно для них оказалась построенной и спущенной на воду АПЛ “Акула” — подводный стратегический ракетный крейсер. По своим оперативным-техническим характеристикам он превзошёл американские АПЛ, вооружённые системой “Трайидент”. По инициативе Бориса Вениаминовича многие тогда были удостоены высоких правительственных наград,

в том числе и сотрудники областного управления КГБ. В их числе оказался и я, чем очень горжусь.

Говоря об Архангельской области того времени, нельзя сказать, чтобы её жители благоденствовали. Но в своём большинстве жили в достатке, радовались мирной жизни, были уверены в завтрашнем дне, видели – жизнь с каждым годом становилась всё лучше. В том же Северодвинске, Архангельске на больших площадях были созданы уникальные для этих широт тепличные хозяйства, продукция которых шла в общественное питание и на прилавки магазинов. В области широко развивались мясное и молочное животноводство, предприятия по его переработке. На хорошем уровне находился рыбный промысел. Создавались предприятия по переработке рыбы и морепродуктов. Во всяком случае, рыба, которая ныне сравнялась, а иногда и превосходит по цене мясо, тогда была дешёвой, доступной всем слоям населения, в том числе и любимые архангелогородцами трещёчка и наважка. Активно велось жилищное строительство. Тогда и понятия не имели о перебоях с электроснабжением или теплом.

Думается, всё это было бы несправедливым не связать с именем и деятельностью на протяжении почти двух десятилетий Б. В. Попова. Люди говорили, и я видел сам, как при нём буквально всё преобразилось, а Архангельск с его по-невски роскошной набережной стал попросту неузнаваем. Давалось всё это нелегко, с большим напряжением духовных и физических сил. Но он был целеустремлён, настойчив, добивался успехов, опираясь на людей, своё доброе к ним отношением, уважая их мнения и пожелания. По самому большому счёту, это был мудрый и справедливый партийный вожак.

Всех удивляла его скромность в личной жизни. Кого б ни спросил в те годы, во всяком случае очень и очень многих, как живётся, не задумываясь отвечал: “Так ведь ничего, жить можно. Дай-то Бог здоровья Борису Вениаминовичу!”

Некоторое время тому назад в нашем подмосковном садовом товариществе работала бригада свободных архангельских строителей. На мои расспросы о теперешней жизни в Поморье старший из них, лет пятидесяти, по-архангельски окая, ответил: “Так ведь совсем худо стало. Посидели без работы-то, нечем стало кормить и семьи. Раньше ехали к нам шабашить, а теперь сами поехали. Вот у вас повезло с работой, а как будет дальше, не знаем. У начальства-то свои дела, им на нас наплевать. Попова-то и сейчас вспоминают добрым словом”. Узнав от меня, что Борис Вениаминович ушёл из жизни, мой собеседник и прислушивающиеся к нашему разговору его товарищи на мгновение потупились, потом старший, вздохнув, тихо произнёс: “Жалко, конечно, хороший был человек-то!” Комментарии, по-моему, здесь излишни.

Можно добавить только к сказанному, что людская память вечна, особенно добрая память. А славный жизненный пример таких людей, как Борис Вениаминович Попов, достоин подражания и, уверен, будет востребован.

ДМИТРИЙ КОЗКО, педагог, бывший начальник областного управления культуры

НЕ ДОПУСКАА НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

... Борис Вениаминович очень внимательно следил за развитием культурной сферы области и особое значение придавал строительству домов культуры, музеев, библиотек. Так, например, на месте современного краеведческого музея и музея изобразительных искусств, что на площади В. И. Ленина, планировали построить торговый центр, но Б. В. Попов настоял на строительстве музея. Строительство библиотеки им. Н. А. Добролюбова, дома культуры моряков, строителей, ДК в Варавино, театра в Северодвинске, музея в Малых Корелах – все эти стройки были на постоянном его личном контроле. Борис Вениаминович был очень образованным и интеллигентным человеком, тонко чувствующим людей. Но одновременно и жёсткий, строгий руководитель.

Однажды в обком на меня поступила анонимка, в которой было сказано, что я сын врага народа и потому не имею морального права занимать руково-

дающую должность. Реакция Б. В. Попова была жёсткой и справедливой. Он велел разобраться в ситуации, найти автора анонимного послания, и если коммунист, то исключить его из партии. Нашли. Оказалось, что и в партии состоит. Я пожалел того человека и заступился за него. В результате ему был объявлен лишь строгий выговор с занесением в учётную карточку.

Через несколько лет такая же анонимка на меня пришла ещё раз. В то время я должен был ехать учиться в академию, но мне позвонил один товарищ из обкома и говорит: “Ты подожди пока ехать, а то, может, тебя ещё с работы снимут”. Учёба началась, я – в Архангельске. Б. В. Попову звонит министр культуры и спрашивает, почему Козко не приехал на учёбу. Так Борис Вениаминович узнал про этот звонок из обкома и очень рассердился. Он дал указание сделать запрос на родину моего отца и при мне своим подчинённым сказал: “Разберитесь во всём. Если я даже работать не буду, но чтобы его больше не трясли!” Меня действительно больше никогда по этому вопросу не трогали. Он никогда не допускал несправедливости.

*АЛЕКСАНДР СМИРНОВ, доктор сельхознаук, член-корреспондент
РАЕН, профессор*

БОРИС ВЕНИАМИНОВИЧ ПОПОВ И АРХАНГЕЛЬСКОЕ СЕЛО

Вспоминая свои встречи с Борисом Вениаминовичем Поповым, удивительным человеком высочайшей эрудиции, огромного трудолюбия, не перестаю удивляться, как у него хватало сил и энергии везти на себе такой воз забот и быть в курсе всего, что происходит в области.

Да, хорошо работал аппарат обкома КПСС, это действительно так и было. Но верно и то, что Борис Вениаминович сам глубоко разбирался в коренных вопросах развития народного хозяйства области, и смеем утверждать, что в число приоритетных он всегда ставил агропромышленный комплекс.

Напомню читателям, что сельское хозяйство области в те годы по сравнению с другими регионами СССР было развито недостаточно. Борис Вениаминович сумел поставить дело так, что к 1990 году агропромышленный комплекс области по производству внутренней валовой продукции был уже на 3–4-м месте среди её ведущих отраслей. Я убеждён: не будь его, область в аграрном секторе экономики в прошлом веке так бы и оставалась на уровне 50–60-х гг.

Моя первая встреча с Б. В. Поповым произошла после очередного пленума обкома КПСС, где рассматривалось постановление ЦК КПСС и Совмина СССР о неперспективных населённых пунктах. Вопрос был простой, воспринимался многими болезненно, и потому события хорошо сохранились в моей памяти. На всю жизнь запомнились слова Бориса Вениаминовича: “При решении этого вопроса не рубить сплеча, подходить взвешенно, помнить, что там живут люди, что крестьянство – это не только звание, а и уклад жизни”. Он напомнил сидящим в зале о том, что не зря в X–XI вв. новгородцы заселяли Нижнее Двиноважье и огромные просторы Европейского Севера, просил не забывать и негативных аспектов коллективизации. При таком подходе нам удалось спасти от расселения почти все населённые пункты, входящие в состав Вознесенского и Пустошенского сельских советов.

Вторая встреча с Борисом Вениаминовичем произошла при таких обстоятельствах. Весна 1974 года была очень бурной, тёплой, многие острова и населённые пункты, расположенные между Никольским, Корабельным рукавами Северной Двины, были подтоплены разгулявшимися в наводнении водами реки.

На сенокосных урочищах Приморского района в тот год выдался удивительный урожай не только культурных многолетних трав, но и естественных сенокосов. В разгар работ недалеко от нас на убранную площадь приземлился вертолёт. Двое мужчин шли в нашу сторону. Мы, работая, в шутку и всерьёз молились Господу Богу, чтобы отнёс ливень, приближающийся с трёх сторон к месту уборки сена. Я даже на колени встал. Подбежал Валерий Анкудинов, рабочий бригады полеводства Вознесенского отделения, и сказал,

что меня приглашают поговорить. Это были Борис Вениаминович и Илья Дмитриевич Долгих. Как был в плавках, так и предстал перед секретарями обкома КПСС. Борис Вениаминович поинтересовался, зачем на пожне стоял на коленях? Врать не стал и признался, что молился Богу, чтобы отнесло грозу. Он посмотрел вокруг, затем на Илью Дмитриевича и спросил шутливо: “Что будем с ним делать? Ведь это один из секретарей совхозных парткомов, кандидат в члены обкома!” Илья Дмитриевич ответил, что он бы и чёрту молился, лишь бы не сорвать работу. ... Потом Борис Вениаминович при встречах на пленумах несколько раз, так же в шутку, спрашивал: “Богу молишься?”

Огромное внимание он уделял развитию животноводства. В его бытность поголовье дойного стада коров области только в совхозах и колхозах составляло 142,7 тыс. голов, а сейчас всего 17 тыс. голов, включая фермеров и личные подворья. Архангельская область по валовому производству молока занимала тогда второе место в Северо-Западном регионе.

... Последняя моя встреча с Борисом Вениаминовичем была очень грустной. Дело в том, что 1979 год был очень тяжёлым для сельского хозяйства, с ранней весны до поздней осени шли проливные дожди. В том же Вознесенье, как и всегда по решению парткома, я был определён уполномоченным в помощь молодому управляющему на уборку урожая. Там только картофеля было посажено 150 га. Уборка была очень трудной, но механизаторы и студенты мединститута и АЛТИ работали не считаясь со временем. Урожай был убран за 11 дней со средней урожайностью 310 центнеров с гектара, что очень неплохо для северных районов. Закончили уборку и сортировку последних клубней где-то около 9 часов вечера. Я, как уполномоченный, разрешил взять на ужин 2 мешка картошки и предложил управляющему оформить на следующий день это как натуральную оплату, что считал законным. Тем не менее на меня было заведено уголовное дело о хищении социалистической собственности в особо крупных размерах, так как стоимость двух мешков картошки составила 50 рублей 50 копеек.

Не буду останавливаться на подробностях, скажу только, что из партии я был исключён. Партийный билет я сдал только в обкоме. Далее последовало решение Исакогорского районного суда, которым я был оправдан. Через полгода обратился в Партийную комиссию ЦК КПСС о восстановлении меня в членах КПСС. Вскоре был приглашён на её заседание вместе с председателем областной партийной комиссии А. С. Щукиным. Каково же было моё удивление, когда на Старой площади в Москве у здания ЦК меня встретил Борис Вениаминович. Поздоровался с нами и сказал: “Только что имел часовую беседу с заместителем председателя комиссии, который будет вести заседание. Всё будет хорошо, Александр Дмитриевич, — заверил он и, увидев меня на глазах слезы, обнял и добавил: — Я знаю, ты настоящий коммунист. Оставайся таким и впредь”. Это была последняя моя встреча с этим человеком огромной щедрой души и человечности.

Встречи с Борисом Вениаминовичем позволяли взглянуть на себя со стороны его глазами. Он был и остаётся для меня и примером для подражания.

К сожалению, не было у нас в области руководителей такого масштаба, кто бы сделал что-либо подобное для экономики области и её населения. Не случайно Борису Вениаминовичу Попову присвоено посмертно и навечно звание “Почётный гражданин г. Архангельска”. Он доказал, что архангельское село могло бы в достатке кормить тружеников и жителей области. Очень жаль, что многие его мечты так и не сбылись, иначе область не находилась бы ныне в таком экономическом упадке, как и село. Вечная память этому удивительному человеку.

* * *

В заключение — ещё несколько значимых, убедительных свидетельств неординарности, масштаба личности Б. В. Попова, его характера, стиля жизни и поведения. Они дополняют и расцветят уже сложившееся у читателя впечатление.

“Посетив однажды онкологическую больницу и увидев, что в палатах лежат по 10–12 человек, Б. В. Попов произнёс: “Стыдно жить на белом свете,

зная, что люди так мучаются”. После чего в городе развернулось строительство онкологического диспансера” (С. Л. Монахова, Т. В. Титова, сотрудники Госархива Архангельской области).

“Б. В. Попов был жёстким руководителем. Это признавали многие. Но предельно объективным и справедливым. Людей берёг и в обиду не давал” (К. И. Галаншин, бывший министр целлюлозно-бумажной промышленности СССР).

“В бытность его первым секретарём, прямо отвечающим за подбор и постановку кадров по моральным, политическим и деловым качествам, за их воспитание, область впервые вошла в такой период своего развития, когда были преодолены последствия в прошлом хронического кадрового голода” (В. А. Крехалёв, инженер-механик).

“...Успех решает не одна личность, а профессиональная, доверху заполненная энтузиазмом, целеустремлённая команда. И, конечно же, её лидер. Таким признанным лидером в области был Борис Вениаминович Попов. Никто не чувствовал себя забытым Богом, брошенной жертвой... Все мы были людьми одной идеи, птенцами одного гнезда. Нас объединяла, как сказал поэт, “одна, но пламенная страсть” (Г. С. Перевозчиков, инженер-наладчик корабельных систем, бывший зав. отделом оборонной промышленности Архангельского обкома КПСС).

“Восхищала высокая культура этого человека. Я не помню случая, чтобы он повысил голос, или проявил раздражение, либо обидел невзначай. Такого не было” (Д. Г. Пашаев, Герой России, специалист по атомной энергетике).

“Я был “летающим” руководителем. Для поддержания профессионального уровня мне был необходим личный налёт в качестве командира вездесущего судна... За все годы работы он (Б. В. Попов. – **Ред.**) ни разу не задал мне вопроса, почему я так много летаю, так как высоко ценил профессионализм. В авиации эта категория определяет авторитет руководителя” (Ю. А. Юркин, заслуженный пилот СССР, кандидат технических наук; в 1972–1986 гг. – начальник Архангельского управления гражданской авиации).

“И в заключение – личное мнение о том, что наши воспоминания вряд ли кому нужны сегодня... И всё-таки. Может быть, кому-то из нынешнего, потерянного для больших дел поколения молодёжи, зомбированной продажными СМИ, эти воспоминания помогут узнать правду о нашей великой советской истории, правду о Коммунистической партии Советского Союза, её членах – таких, как боец и создатель Борис Вениаминович Попов” (З. С. Меркурьева, педагог, политолог, бывший секретарь Северодвинского горкома КПСС).

Редакция целиком согласна с Зинаидой Семёновной Меркурьевой: такие воспоминания о таких людях нужны и ныне живущим, и грядущим поколениям!